

Павел Васильевич Зубов

Павел Васильевич и Наталья Митрофановна Зубовы

Заседание коллекционеров в доме Зубовых

Татьяна Гаген

Чья эта улица, чей этот дом?

Осенним днем 1891 года в старинный особняк в центре Москвы пришло письмо. На конверте узорчатым почерком известного нумизмата А. В. Орешникова был написан адрес:

«В Таганке, на Большой Алексеевской есть дом
Наподобие барских хором
С железной решеткой на улицу,
Чтобы не бегали курицы.
Принадлежал Полежаевой, был полон людей, а ныне
Стоит наподобие Сахары пустыни,
Позвонив, спросить Зубова Павла, Васильева сына,
Не графа и не дворянина,
А просто почетного гражданина...»

Этот дом и сегодня стоит на живописной московской улице за Яузой. Прежним осталось и его окружение — двух-трехэтажные особняки XVIII века.

Павла Васильевича Зубова современники называли «Третьяковым нумизматики». Собранная им в конце прошлого века коллекция русских и восточных монет была крупнейшей в мире. Еще в 1908 году в Московском нумизматическом обществе был сделан доклад о санидском отделе зубовского собрания. Эксперты отмечали: «Мы можем сказать, не преувеличивая, что если Берлинское, Эрмитажное и Парижское собрания сложить вместе, вычтя дублиеты, то коллекция Павла Васильевича по числу экземпляров будет все-таки больше». Кроме того, в его библиотеке хранилось ценнейшее собрание книг по нумизматике — вспомогательная литература по истории, культуре, экономике тех народов, монеты которых собирал коллекционер.

По рассказам современников, он своим обликом и поведением начисто разрушал образ замкнутого угрюмца, поглощенного лишь своей коллекцией. В доме Зубовых звучала музыка, слышались детские голоса, здесь собирались коллеги Павла Васильевича по Московскому университету — ведь он был еще и ученым-химиком, больше двадцати лет работал над определением теплот горения органических соединений и, кстати, считал свои занятия нумизматикой «второстепенной деятельностью»... Его портреты, удивительно живые, доносят образ умного и ироничного собеседника, в глазах которого всегда прятался смех. Можно ли представить, что такой человек в

сорокалетнем возрасте, будучи абсолютно здоровым, всерьез обдумывал свое завещание?

А между тем уже в 1901 году всю свою коллекцию в 200 тысяч монет и обширную библиотеку Павел Васильевич завещал Российскому Историческому музею. Для него было важным сохранить коллекцию целиком, передать ее в нераздробленном виде, не допустить исчезновения собрания за пределы России. Он иклады свои, из уважения к предыдущему владельцу, часто приобретал целиком, а не отдельными редкими монетами. Такого же уважения требовал он и к своей воле...

Александровский купец Василий Зубов женился на старшей дочери владельца дома, потомственной почетной гражданке Клавдии Алексеевне Полежаевой. Ее отец был известен своими пожертвованиями в пользу церкви и благотворительными вкладами. Алексей Михайлович Полежаев, чей вензель и сегодня украшает фасад дома, в 1873 году пожертвовал серебряную раку в Спасо-Андрониковский монастырь: в ней покоились мощи святых Андроника и Саввы. Еще раньше на строительство православной церкви в Женеве им был переведен большой денежный вклад: в тот год в Швейцарии от скоротечной чахотки умерла его младшая дочь... Традиции благотворительности и меценатства были восприняты всеми членами этой большой семьи. На деньги Клавдии Алексеевны в Калязине была построена школа. Об этом добром деянии напоминают сегодня лишь семейные предания да большое деревянное блюдо с изображением школы и памятной надписью, — самого же здания, да и города Калязина, уже много лет нет...

Василий Павлович Зубов был владельцем крупной ситценабивной фабрики; однако, будучи преуспевающим промышленником, хорошо знал литературу, живопись, музыку, собрал великолепную коллекцию инструментов, украшением которой были скрипки Амати, Страдивари, Гварнери, альты работы Руджери. Несколько лет он возглавлял Московскую консерваторию, позже его сменил на этом посту Петр Ильич Чайковский. Музыкальные инструменты хранились в его доме в специальных застек-

ленных шкафах. С ключами от них Василий Павлович и его сын не расставались никогда.

Семейные хроники Зубовых донесли до нас и рассказы о местном фабриканте и попечителе К. С. Алексееве. На Таганке располагались его канительные мануфактуры. По преданию, Константин Сергеевич бывал в доме Зубова. На большой памятной фотографии, посвященной городскому попечительству о бедных, портреты Алексеева и Зубова помещены рядом — и тот и другой были поочередно председателями попечительного совета Рогожской части.

А между тем, будучи человеком глупоко верующим, Павел Васильевич считал эту часть своей деятельности наиболее общественно значимой, едва ли не самой важной. Ежегодные отчеты (до копейки!) о работе попечительства Рогожской части и сегодня могут подтвердить безусловную честность и бескорыстие благотворителей.

Итак, 15 марта 1894 года Московская городская дума вынесла постановление об организации участковых попечительств о бедных. Согласно постановлению думы Москва была разделена на 26 округов, каждый округ на 14 участков. Во главе каждого округа стоял председатель попечительства, во главе каждого участка — попечитель. Те и другие избирались городской думой по предложению Управления призрения бедных на три года. На каждого бедного составлялся справочный (опросный) листок, который хранился у попечителя. На их основании велась регистрация нуждающихся.

Сравнивая отчеты различных попечительств Москвы, можно убедиться в том, что оказание помощи бедным Рогожской части было наиболее весомым и полным. При этом подсобная деятельность не выпячивалась Павлом Васильевичем: Зубов не участвовал ни в благотворительных лотереях, ни в помпезных балах в пользу бедных. Между тем на его деньги содержались богадельни и больницы, значительное количество вспомоществований шло через церковный приход храма Мартына Исповедника, к которому принадлежал Павел Васильевич и его семья. В этом храме его крестили, в нем он венчался, крестил детей, здесь ему в 1921 году пели «вечную память».

После революции Павел Васильевич в должности хранителя нумизматического отдела Российского Исторического музея работал дома над систематизацией своей коллекции. Зная о его завещании, специальным постановлением Совета Народных Комиссаров семье Зубова разрешили жить в родных стенах. Новая власть не слишком церемонилась с коллекционерами: к примеру, известный московский нумизмат Чижов был выброшен из своего дома на

улицу, коллекцию его реквизировали, а бывший ее владелец вскоре скончался в Бутырской тюрьме.

Зубову повезло больше. Правда, большую половину его особняка на Таганке занял районный педагогический музей, но Павел Васильевич все же оставался в своем доме.

Впрочем, новая власть вскоре прослышала о хранящихся в его собрании уникальных музыкальных инструментах. Известный музыкант и дирижер В. Л. Кубацкий, руководивший их реквизицией, отбросив ложную скромность, на пятьдесят втором году советской власти поделился с читателями популярного журнала своими воспоминаниями о том, как это происходило 27 октября 1919 года:

«На третью ночь, уже зная адрес и примерные подходы к дому, мы поехали на машине, захватив с собою лестницу. Перелезли через высокий забор. Подошли к большому, темному особняку. Настойчиво стучим в дверь. Гремят засовы, ключи — нам открывают. Выходит статный слуга, спрашивает, кто мы такие.

— Доложите хозяину, что представители Московской ЧК и Наркомпроса имеют к нему дело. (Время — около 5 утра.) Вдруг слышим шаги. По скрипучей деревянной лестнице к нам медленно спускается седой осанистый старик в черном сюртуке.

— Чем могу служить?

Объясняя, что многим нашим талантливым музыкантам зачастую не на чем играть. Все лучшие инструменты находятся во владении богатых людей.

— И потому мы пришли к вам. Мы хотим, чтобы ваши замечательные инструменты, вместо того чтобы находиться за стеклом, в шкафу, были бы переданы крупнейшим артистам...

Настала томительная пауза.

И вдруг хозяин дома с достоинством говорит:

— Меня вполне удовлетворяет ваше объяснение. Прошу вас, пройдите за мной.

П. Зубов передал нам все имевшиеся у него старинные инструменты...»

Добавим к сказанному выше, что другого выхода у Павла Васильевича не было. Все взятые у него в ту ночь инструменты поступили в государственную коллекцию. Рассказывают, что на одной из его скрипок играл впоследствии маршал Тухачевский. Использовал инструменты Зубова и участник ночного налета. С возмущением пишет В. Л. Кубацкий о несправедливости нанесенной ему обиды: во время концерта в Малом зале консерватории кто-то крикнул ему из первых рядов:

— Вор! На награбленных инструментах играешь!

К счастью, Павлу Васильевичу не суждено было узнать об этом. Он умер в июле

голодного 1921 года. В некрологе, подписанном ведущими учеными России, была выражена надежда, что таких людей, как Павел Зубов, Москва «почтит достойной и вечной памятью». Советская власть и правда не забыла о нем. Его богатейшее собрание книг (20 тысяч томов!), неотъемлемое от нумизматической коллекции, было распылено по различным библиотекам; семья Павла

ее «государственные» хранители не знают ни имени собирателя, ни обстоятельств поступления к ним драгоценных скрипок...

Цел и невредим дом Зубовых на Таганке, с которого мы начали свой рассказ. Много лет хранителем памяти этой семьи является внучка Павла Васильевича Мария Васильевна Зубова. В ее архиве — семейные портреты, фотографии, письма

Гостиная в доме Зубовых

Васильевича из пяти человек, вопреки постановлению Совнаркома, оказалась выселена в одну комнату, для «удобства» перегороденную шкафами. А в освободившиеся комнаты въехали чужие люди... Могила Павла Васильевича в Спасо-Андрониковском монастыре была уничтожена, потому что на его территории вскоре организовался лагерь особого назначения, наподобие Соловецкого.

Правда, память о Зубове сохранили сотрудники Государственного Исторического музея: в его фондах бережно хранится переписка Павла Васильевича с крупнейшим московским нумизматом Орешниковым, цело и собрание монет. Правда, увидеть его сегодня обычному посетителю невозможно: вот уже много лет Исторический музей находится на капитальном ремонте.

Что же касается уникальной коллекции музыкальных инструментов, то нынешние

и документы. Несколько лет назад ее стараниями было установлено место захоронения деда, на его могиле Мария Васильевна поставила деревянный крест.

Счастливым финал? Не скажите. Сегодня мы присутствуем при последнем акте этой драмы, начало которой положил октябрь 1917-го.

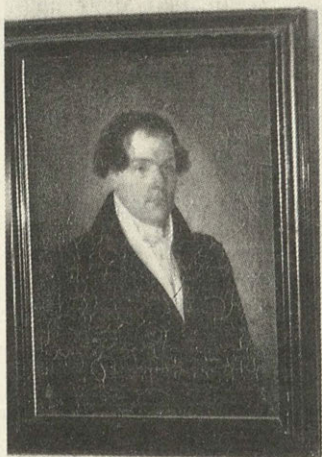
Сейчас в доме, окруженном деревянным забором и строительными лесами, идет ремонт: строительные бригады спешно восстанавливают лестницы, танцевальный зал, парадные комнаты, помещения столовой и библиотеки. Не забыт рисунок паркета, прекрасная лепнина потолка, драгоценные двери, изразцовые печки и каминны. Антикварная мебель, люстры, алебастровые статуэтки, книжные шкафы сгружены в одну комнату и под бдительным присмотром сторожей тоже ждут прихода реставраторов. Так что же так спешно восстанавливают строители? Может быть, историческую спра-

ведливость? Возможно, спустя несколько месяцев в доме крупнейшего нумизмата и щедрого дарителя России разместится музей его имени или экспозиция, ему посвященная? Или в этом доме, некогда собиравшем ценителей прекрасного, опять, как и встарь, будет звучать музыка? Нет, к сожалению.

Особняк в центре Москвы отдан в аренду греческой фирме: ее владелец уже прикупил в столице несколько симпатичных старинных особнячков. В доме Павла Васильевича разместятся офисы его компании.

Руководство фирмы неоднократно предлагало и Марии Васильевне переселение в более комфортабельное помещение —

например, благоустроенную однокомнатную квартиру. Она вежливо отклоняет эти щедрые предложения, предпочитая свой неблагоустроенный мезонин. Здесь среди портретов ее предков, среди вещей, которых касались ее поколения, без выпренности и без уничижения звучат слова о славе России и о тех, кто ее преумножал. Здесь естественны споры о прошлом и будущем, а из окон, куда не доносится шум Большой Коммунистической улицы, такая чудесная открывается перспектива, что порой даже верится в чудо. Как там у одного старого писателя? «И кажется, Россия вдруг стряхнет дурной сон... и все вернутся, займут свои прежние места».

Сестры Марина (слева) и Мария Зубовы под портретами предков